

ПОЭМА «ТАРАС НА ПАРНАСЕ»: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЯЗЫКОВ

Введение. Одним из выдающихся достижений белорусской литературы XIX века стала сатирическая бурлескная поэма «Тарас на Парнасе», которую, как выяснилось позднее, написал Константин Вереницин еще во время учебы в Петербурге. Первоначально произведение распространялось в рукописном виде и было опубликовано только в 1889 в газете «Минский листок» под псевдонимом «Наум» [1]. Почти сразу же после первой публикации поэмы на белорусском языке появился и её первый русский перевод, выполненный в 1890 году М. Острожским. Знаковым событием стало издание поэмы «Тарас на Парнасе» на восьми европейских языках в 2008 году [2].

Поэма написана четырёхстопным ямбом на живом белорусском языке, являющимся прямым отражением ментальности нации — определенного национально-культурного кода. Следовательно, работая с произведением, в котором присутствует другая культура, переводчик неизбежно сталкивается с ее реалиями. Это значит, что возникает потребность более детального исследования критериев и способов, с помощью которых осуществляется перевод того или иного слова.

Цель данной работы — проанализировать способы перевода культурно-маркированной лексики, содержащейся в оригинальном произведении, на русский и английский языки.

Материалом для данного исследования послужило издание «Тарас на Парнасе» [3], в котором поэма представлена на трех языках: белорусском, русском и английском. Русский вариант произведения принадлежит Михаилу Лозинскому (1886—1955) — создателю советской школы поэтического перевода, который в 1953 г. представил свою версию поэмы. Одним из пионеров в области перевода лучших образцов белорусской литературы на английский, и поэмы К. Вереницина «Тарас на Парнасе» в частности, явился создатель англоязычной антологии современной белорусской поэзии Уолтер Мэй (1912—2002). Переводчик обращался как к произведениям классиков литературы — Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, так и сказкам («Сидит медведь на колоде»), детским стихотворениям.

Основная часть. Для английского переводчика основными трудностями выступило наличие рифмы в белорусском произведении: современная английская литература фактически отказалась от рифмования, между тем белорусская поэзия придерживается традиционной силлаботоники с ее акцентом на рифму. Особую проблему составила и флективность (гибкость) белорусского языка, которая дает больше возможностей для рифмы в сравнении с английским языком.

В белорусском языке в большей степени присутствует связь с устным дискурсом за счет употребления диалектной лексики. Русский же перевод произведен приближен к нормам литературного языка: во многих местах заменены не только слова, а даже целые высказывания. Для английского поэтического слова также характерно преобладание литературного языка.

В современной лингвистике под культурно-маркированной лексикой понимают «совокупность языковых единиц, обозначающих понятия, своеобразные для определенного народа, характеризующие его историю и культуру, отличные от прочих, передающие образ мышления представителей определенной культуры. Она фиксирует национальные и культурные особенности и потому связана с культурным самосознанием как отдельного субъекта, так и сообщества в целом [4, с. 14]. Для анализа были отобраны десять единиц, которые согласно квалификации Л. Н. Чумак относятся к лингвокультуремам с национально-культурной семантикой [5, с. 47].

Существуют разные способы перевода подобной лексики, самыми распространенными из которых являются описательный перевод, эквивалент, калькирование, а также транскрипция/транслитерация. Отметим, что если переводчик не обладает необходимыми фоновыми знаниями, то он может просто опустить в переводе подобные слова.

Обратимся к тексту У. Мэя. Он пишет про Тараса “forest warden”, подразумевая под этим «палясоўшчык», то есть переводчик заменил эмоционально окрашенную лексическую единицу на нейтральную. В переводе на русский язык М. Лозинский использовал транслитерацию и перевел слово как «полесовщик».

Авторы русского и английского вариантов перевели место проживания Тараса «Пуцявішчы» — соответственно «Путевище» и “Putevischa”. Очевидно, что перевод географического названия англичанин осуществлялся не с языка оригинала, а его русского варианта. Эта мысль подтверждается и переводом белорусского «войт», обозначающее «староста», которое употребляется и в русскоязычной поэме, а в английском звучит “the elder”. Соответственно, взят корень слова «стар-», переведен на английский, и получилось *elder* ‘старший, старейшина’.

Еще примером может послужить отрывок из X части поэмы, где в английском предложении “Now Cupid with the maidens frolics” слово “frolics” используется со значением «резвится», близким к русскому переводу М. Лозинского «Амур, тот с девками балует» и не похож на оригинал текста «Амур жа зь дзеўкамі жартуе», где слово «жартуе» используется в значении «шутит». Белорусское слово «сярмяга» в русском переводе звучит как «Кафтан», а в английской версии мы имеем тоже самое “kaftan”.

Интересным примером является перевод с лексической единицы «сукенка» (русс. «платье») на русский язык. В переводе М. Лозинского звучит «платок», что скорее всего и повлекло за собой перевод слова «сукенка» на английский язык как “patterned shawl” в значении «узорчатый платок».

К. Вереницин для создания особой художественной атмосферы использовал в своей поэме просторечную и эмоционально окрашенную лексику. Язык письма понятен в большинстве своих выражений только белорусскому народу. Например, оригинальное «Як бы ў рандзе сядзіць» в русской версии звучит как «Словно в кабаке сидит», а на английском языке — “He founded himself as if at an inn”, хотя в комментарии к изданию сказано, что «у рандзе» означает «у карчме». Вот еще пример: вместо общеупотребительного «рот» К. Вереницин использует просторечное «зяпа», которое в переводах на русский («рот») и английский (“mouth”) заменено на нейтральный эквивалент; белорусское «жур», которое переведено на русский как «кисель», стало проблемой для У. Мэй из-за отсутствия данного продукта. В английской версии используется “frozen jelly”, что означает «застывшее желе».

Анализ трех вариантов поэмы показал, что целые выражения из оригинального произведения изменены на стилистически нейтральные. Например, в белорусскоязычной поэме написано «Хароміна-мядзведзь», что на русский язык переведено как «Как есть хоромина, медведь», но в английской версии — “A bear — and tall as a house as well” («медведь высокий, как дом»). Белорусский фразеологизм «Зубом, як цюцька, лепячу» в русском языке звучит «Зубами, как щенок, стучу», выражен английским устойчивым сочетанием “My teeth like mad began to chatter”.

Заключение. По результатам проделанной работы можно отметить, что особенностью индивидуального переводческого стиля У. Мэйя является тенденция сохранения формы, однако наблюдается непоследовательность в стремлении передать все лексические значения оригинала, что делает текст перевода чрезмерно информативным, что усложняет его восприятие. В переводах М. Лозинского наблюдается недостаточное знание культурных особенностей белорусского народа, из-за чего многие моменты при переводе были опущены. Анализ перевода русскоязычного автора также показывает, что несмотря на принадлежность языков к одной группе, культурные явления не всегда интерпретируются одинаково.

Несмотря на достаточный переводческий опыт английского поэта У. Мэйя его вариант «Тараса на Парнасе» имеет ряд недостатков: отсутствие углубленных комментариев при передаче интертекста, не позволяющее англоязычному читателю понять некоторые импликации, аллюзий. Используя принципы реалистичного перевода, некоторые образы У. Мэй интерпретирует либо неправильно, либо представляет образы, лишённые национальной идентичности, искажая тем самым замысел автора. Следовательно, только знание культуры страны изучаемого произведения позволит более успешно переводить произведения и сохранять национальный колорит.

Список цитируемых источников

1. Тарас на Парнасе [Электронный ресурс] // Национальная библиотека Беларуси / Тарас на Парнасе. — 2006—2019. — Режим доступа: <https://www.nlb.by/content/uslugi/sotsiokulturnye-uslugi/muzey-knigi/arkhiv-vystavok/vystavki-2008-2010-gg/taras-na-parnase/>. — Дата доступа: 02.03.2019.
2. «Тарас на Парнасе» Константина Вереницына [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного Государства / Экспертный комментарий. — 2004—2013. — Режим доступа: <http://www.soyuz.by/news/expert/27025.html>. — Дата доступа: 02.03.2019.
3. Тарас на Парнасе : нар. паэма : для ст. шк. узросту / маст. У. В. Гладкевич. — Мінск: Юнацтва, 1998. — 88 с.
4. Телия, В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В. Н. Телия // Филология и культура : материалы II Междунар. конф., 12—14 мая 1999 г. : в 3 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 1999. — Ч. 3. — С. 14—15.
5. Чумак, Л. Н. Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии / Л. Н. Чумак. — Минск : БГУ, 1997. — 196 с.

УДК 376

О. А. Павловская, Е. А. Савина

Государственное учреждение образования «Гимназия № 1 г. Барановичи», Барановичи

КНИГИ ПРО ОСОБЕННЫХ ДЕТЕЙ: ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, ТЕМАТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Введение. Люди, живущие на земле, никогда не задумываются над тем, что можно радоваться солнцу или ясному небу. Многим хочется поделиться с окружающими своими мыслями и стремлениями; подпевать любимым исполнителям, пересматривать фильмы, которые не оставили равнодушными. Кажется, что все это так просто. Но есть те, для кого простое пожатие руки — это уже подвиг, те, кто не может увидеть красоту мира, кто не может ее услышать или осмыслить. «Мир людей с особенностями умственного развития для многих является большой неизвестной, ведь он изолирован от мира «нормальных» людей. А незнание в свою очередь порождает непонимание, которое мешает полноценному общению между обоими мирами. Люди с умственными ограничениями слишком долго жили не с нами, а где-то около нас — в физическом и соци-